

Двое без третьей

125-летие Александра Блока
и Андрея Белого отметили
в Литературном музее

Коммунист. - 2005 - 19.04 -
выставка литература *с 22.*

В Государственном литературном музее открылась выставка «Александр Блок. Андрей Белый. Двойной портрет на фоне эпохи». Еще 25 лет назад подобная юбилейная выставка была целиком посвящена одному Александру Блоку. В нынешний 125-летний юбилей поэту пришлось потесниться: вторым героем стал его ровесник, друг и соперник **Андрей Белый**. Обратить внимание на **важный юбилей призывает** **ЛИЗА НОВИКОВА**.

Эта выставка — история одной дружбы. Хотя в принципе что уж такого особенного может быть во взаимоотношениях двух писателей? Ну, ссорятся и мирятся, соперничают из-за одной женщины, ведут переписку, вместе «тусуются» на поэтических вечерах, пишут друг на друга рецензии («Когда напивались, то в дружбе клялись, / Болтали цинично и прямо»). Точно так же живут и сегодняшние литераторы — разве что еще дают друг другу каких-нибудь «Букеров». Разница, конечно, в той самой «эпохе», на фоне которой и выписаны эти портреты. Это время, благоволящее поэзии.

Поэтому, проходя через анфилады выставки, о современных параллелях начисто забываешь. Блок и Белый — словно два поэтических божества (недаром творческая биография обоих начиналась с создания символистских культов). И на выставке (при всей скромности ее оформления) если не воскурили двум гениям фимиам, то, во всяком случае, откровенно призывали им поклониться. А то, что персонажей именно двое, как будто напоминает: у нас есть свой пантеон.

Настроение умиления задается уже в самом начале экспозиции. Здесь рядом помещены портреты двух чудо-мальчиков в матросках и с похожими аккуратненькими стрижками. Вот детские письма Саши Блока, а вот — список болезней Бориса Бугаева (чего тут только нет: одних гриппов не пересчитать, а в три года бедняжка еще и проглотил булавку). С одной стороны фотографии блоковской родни до третьего колена. С другой — изображения няни

и кормилицы Белого (поэт до тошно собирал свой архив: сохранились и фотографии кормилицы его мамы). Вот табель с оценками Бориса Бугаева: даром, что папа был профессором математики, а у сына по основному предмету — «хорошо» (потом не только нагнал, но и успел поучиться на физмате Московского университета). А вот первое письмо Блока, почувствовавшего «органическую потребность» высказать коллеге свои восхищения и возражения. Дальше рецензия Белого на второй блоковский сборник «Нечаянная радость»: «Мы начинаем горячо любить обнаженную душу поэта». И так далее. В 1916 году Блок находится на военной службе, примерно в это время Андрей Белый живет в Швейцарии и дает волю своему увлечению мистическим. Поэма «Двенадцать» представлена хрестоматийными иллюстрациями Анненкова, а персонажей романа «Петербург» набрасывает карандашом на бумажных обрывках сам автор. «Принцип канделябра» не сработал у музейщиков лишь однажды: в пару к знаменитому портрету Белого работы Бакста они не смогли добыть в Третьяковке не менее знаменитый портрет Блока работы Сомова.

Несколько в тени осталась главная, личная интрига отношений двух поэтов. Любовь Дмитриевна Менделеева, жена Блока, в которую был влюблен и Белый, не стала третьей героиней выставки. Андрей Белый в своих записях шифровал вселюбленную, присвоив ей им.: Ц, — вот она и оказалась где-то в конце алфавита выставки. Только небольшие фотографии и трогательные семейные шаржи, выполненные рукой Блока: у Любы неизменно толстые щеки, круглый нос и прямой пробор. Какой-нибудь Зинаиды Гиппиус на выставке оказалось гораздо больше. Возможно, у музейщиков сработало традиционное для всех фанатов чувство ревности ко вторым половинам их кумиров: недаром настоящие битломаны недолгобливают Йоко Оно, а истовые пушкинисты до сих пор попрекают Наталью Гончарову.